

Идея провиденциализма в философии В.Ф. Эрна и Н.А. Бердяева

Арсений Бирюков (Магистерская программа «Философия и история религии»)

Аннотация

В статье рассматриваются попытки осмысления исторического в творчестве В. Ф Эрна и Н.А. Бердяева. Автор делает акцент на христианском характере их представлений и на этом основании пытается провести параллели между концепциями двух авторов. Также подвергнуты сравнению взгляды мыслителей на место и роль России во всемирно – историческом процессе.

Ключевые слова: провиденциализм, Промысл, исторический процесс, эсхатология, теология истории, русская философия, историософия

Введение

Христианская идея провиденциализма (от лат. *providentia* – Промысл, Провидение) является способом интерпретации исторического процесса как реализации заранее предопределенного Богом плана спасения человечества.

Поскольку христианство, как и любая мировая религия, направлено на объяснение посмертной участи человека и конечной цели мира, особое значение в этой концепции получает такое религиозно-философское учение, как эсхатология (от греч. *ἔσχατος* – последний, конечный, и *λόγος* – слово, учение). Именно в ее свете разрозненные исторические факты складываются в единую историческую картину и получают логическое завершение.

Если мы обратимся к русской мысли, то увидим, что русское историческое сознание изначально было провиденциальным. Мы находим эти идеи уже в первых письменных документах, систематически излагающих сведения из истории нашей страны – древнерусских летописях¹. Пронизаны провиденциальными мотивами такие памятники древнерусской литературы, как «Слово о законе и благодати» митрополита Киевского Иллариона и «Послания старца Филофея». Однако полностью православное осмысление истории было сформировано и разработано только в русской религиозной философии второй половины XIX – начала XX века, в эпоху т. н. Русского Ренессанса. Среди представителей, так или иначе развивавших эти идеи, можно назвать П.Я. Чаадаева, Вл.С. Соловьева, П.А. Флоренского С.Н.

¹См.: *Лаушкин А.В.* Провиденциализм как система мышления древнерусских летописцев (XI – XIII век): дис. канд. ист. наук. М., 1996. 182 с.

Булгакова и др. Однако в данной работе мы сосредоточимся на исторических концепциях таких крупнейших русских мыслителей, как В.Ф. Эрн и Н.А. Бердяев.

Несмотря на то, что эти философы – современники не всегда сходились в своих представлениях и даже нередко полемизировали друг с другом, их взгляды на осмысление исторического процесса удивительным образом схожи. В первую очередь, оба мыслителя исходят из одного и того же основания, а именно – критики современных им теорий человеческого прогресса. На наш взгляд, именно общее основание, а также укорененность в христианском мировоззрении, позволяют провести параллели между творчеством данных авторов в этой области. В данной работе мы попытаемся сравнить подходы двух мыслителей к интерпретации человеческой истории.

Идея провиденциализма в философии В.Ф. Эрн

Владимир Францевич Эрн – оригинальный русский философ и публицист, чье наследие незаслуженно остается в тени и почти не удостоивается внимания современников.

Исследователи отмечают, что хотя философия истории и не является главной темой его произведений, тем не менее, мы можем говорить о историософских мотивах его творчества². Собственное понимание всемирно – исторического процесса Эрн считает тождественным христианскому пониманию этой проблемы и ставит перед собой задачу дать философскую трактовку христианского осмысления истории. Актуальность такой трактовки состоит в том, что она сознательно противопоставляется автором популярным в то время теориям человеческого прогресса и указывает на их заблуждения.

Надо отметить, что эта тема затрагивалась философом и ранее, во время его деятельности в Христианском братстве борьбы. Приведем выдержку из краткой программы Христианского братства борьбы, написанной В.Ф. Эрном вместе со священником и публицистом В.П. Свенцицким: «Христиане имеют свое представление о прогрессе, коренным образом отличающееся от мирского. Этот прогресс – качественный, идущий вглубь а не вширь»³. Но

²См.: Батарин А.А. Проблема прогресса в историософии Эрн //Вестник Чувашского университета. №4 (2007). С. 64.

³ См.: Свенцицкий В.П. Христианское братство борьбы и его программа // В.Ф. Эрн: proetcontra: личность и творчество Владимира Эрн в оценке русских мыслителей и исследователей: антология / сост., подг. текста, вступ. ст. и коммент. А.А. Ермичева. СПб.: Изд-во РХГА, 2006. С. 13.

подробную философскую трактовку своих идей Эрн дает несколько позже, в статье «Идея катастрофического прогресса».

Эрн утверждает, что идея прогресса впервые рождается в недрах христианской религии, усвоившей идею еврейских пророков о постепенном развитии человечества.

При этом дохристианский, языческий период человеческой цивилизации не отвергается, а вместе с последующими временами составляет единый процесс, направленный волей Творца: «История до христианства не случайное наслоение событий и фактов, а по единому замыслу осуществляемое домостроительство Божие»⁴.

Первую теорию прогресса мыслитель приписывает христианскому апологету Иустину Мученику (II в.). Надо сказать, что в студенческие годы творчество Иустина было темой особого исследования Эрн. Ему же была посвящена выпускная работа Владимира Францевича в Московском университете⁵.

Все позднее появившиеся теории прогресса, и, в первую очередь, теория позитивистская, по мнению мыслителя, тоже вырастают на почве христианства, однако они исключают из своих представлений Божественное начало. В этом и состоит их главное заблуждение.

Не имея под собой эмпирических оснований, они вынуждены основываться на вере, которая, тем не менее, подразумевает признание Бога как смысла и центра человеческой жизни.

Что касается прогресса знаний, то и он неизбежно приводит нас к признанию Бога. Философ сравнивает количественное увеличение знаний с «заживлением царапинки, в то время как рак остается неизлечимым»⁶. По его мнению, прогресс должен быть качественным, то есть знания должны отвечать, в первую очередь, на главные и существенные вопросы человеческого сознания. Кроме того, такое знание обязательно должно быть объективным, что неизбежно приводит к признанию объективной Истины, которая, по мнению мыслителя, есть Абсолют.

⁴См.: Эрн В.Ф. Идея катастрофического прогресса // Эрн В.Ф. Сочинения. М.: Правда, 1991. С. 199.

⁵Ермичев А.А. Жизнь и дела Владимира Францевича Эрн // В.Ф. Эрн: pro et contra: личность и творчество Владимира Эрн в оценке русских мыслителей и исследователей: антология / сост., подг. текста, вступ. ст. и коммент. А.А. Ермичева. СПб.: Изд-во РХГА, 2006. С. 33.

⁶См.: Эрн В.Ф. Идея катастрофического прогресса // Эрн В.Ф. Сочинения. М.: Правда, 1991. С. 204.

Еще большим индикатором прогресса, чем знание, выступают этика и мораль: «Если прогрессивно растут только внешняя культура и техника, а человечество в моральном отношении не прогрессирует, а падает все ниже и ниже, и страдания его не уменьшаются, а только принимают новые, более острые формы, – тогда прогресс есть иллюзия»⁷. По мнению философа, только христианское сознание, уверенное в конечной победе Творца и благом окончании мировой истории, может не смущаться временными успехами сил зла. А значит, и в этом случае предполагается признание Божественного начала.

В отличие от позитивистского прогресса, базирующегося на скрытом признании Бога, христианский прогресс насквозь пронизан идеей Всемогущего Творца: «Бог есть начало, середина и конец христианства. Все в Нем, все для Него и все через Него»⁸.

Эрн предлагает различать 3 аспекта прогресса: «что прогрессирует, кто прогрессирует и как прогрессирует»⁹.

В позитивистском понимании прогресса развитие обусловлено некоторым недостатком, который надо восполнить. В таком случае, оно происходит не как движение к светлому будущему, а как отталкивание от некоего прошлого.

В христианской идее прогресса ставится абсолютная цель – воссоединение с Богом. С ней связаны конкретные и достижимые задачи: усвоение истины в области знаний, преображение мира в области искусства и достижение святости в области нравственности.

Что касается субъекта прогресса, или того, «кто прогрессирует», то им не может быть отдельная личность в силу своей смертности. Значит, это должно быть что – то общее, элементом которого является личность. Не сумма отдельных человеческих жизней, а самостоятельный живой организм, органически связывающий отдельных индивидов. Причем такую связь не должна разрывать даже человеческая смерть. Что – то ноуменальное, лежащее за пределами нашего мира, но в то же время и что – то эмпирическое, доступное человеческому опыту. Одновременно трансцендентное и имманентное. Тем самым, Эрн подводит нас к экклесиологии – христианскому учению о Церкви.

⁷ См.: Эрн В.Ф. Идея катастрофического прогресса // Эрн В.Ф. Сочинения. М.: Правда, 1991. С. 205.

⁸ См.: Там же. С. 208

⁹ См.: Там же.

Таким образом, он резюмирует, что настоящим субъектом прогресса может выступать лишь бессмертная человеческая личность, являющаяся частью Церкви.

Если первые два элемента прогресса частично совпадают в позитивизме и христианстве (более того, по утверждению Эрн, христианская концепция прогресса многое заимствует в позитивизме), то в «как прогресса» между этими двумя учениями лежат существенные различия.

При этом в христианском «как прогресса» можно выделить два вопроса: 1) каким образом возможен прогресс? и 2) какими путями он совершается?

Отвечая на первый вопрос, помимо личного устремления человека, необходимо помнить и о значимой роли Божественного откровения: «Ни о каком существенном усвоении истины не могло бы быть речи, если б Истина эта, в Себе существующая, не шла навстречу ищущему соединения с Ней человеку, если б Она не давала Себя усвоить, не открывалась бы людям тогда, когда люди порываются к ней»¹⁰.

Без принятия Божественной благодати, полагаясь только на собственные усилия, нельзя добиться духовного развития, невозможно достичь святости. Освобождению от власти греха и надежде на благое завершение человеческой истории мы обязаны Боговоплощению и крестным страданиям Иисуса Христа.

Благодаря отрицанию сверхъестественного и абсолютного, позитивизм, в свою очередь, при ответе на этот вопрос не может предложить ничего, помимо слепой и оптимистичной веры в человека.

При ответе на второй вопрос (какими путями совершается прогресс?) Эрн снова обращает наше внимание на то, что всемирно-исторический прогресс есть синергия человеческой воли и Промысла Божьего, ноуменального и феноменального. В таком случае мы имеем дело с моделью прерывного развития, в котором имеют место быть оба вида процессов: прерывных, принадлежащих феноменальному миру, и непрерывных, принадлежащих миру ноуменальному и подчиняющихся законам пространства и времени. Последние могут развиваться до конкретной степени, но не могут выйти на следующую ступень развития. Для этого необходимо таинственное вмешательство процессов прерывных. Итак, «чудо,

¹⁰ См.: Эрн В.Ф. Идея катастрофического прогресса // Эрн В.Ф. Сочинения. М.: Правда, 1991. С. 204.

таинственное вмешательство высших сил становится составным и необходимым элементом жизни»¹¹.

Что касается эсхатологии или учения о конце истории, то главное отличие христианской позиция от позитивизма для Эрн в том, что христианство признает логическое завершение исторического процесса в конечной схватке сил Зла и Добра: «Для христиан будущее – не мирный культурный процесс постепенного нарастания всяких ценностей, а катастрофическая картина взрывов, наконец, последний взрыв, последнее напряжение – и тогда конец этому миру, начало Нового, Вечного, Абсолютного Царствия Божия»¹².

Философ с тревогой смотрел на череду сменяющих друг друга исторических событий, находился в ожидании коренных изменений и катаклизмов и «ощущал духом замыслы Бога, неисповедимые пути Провидения»¹³.

Таким катаклизмом была для Эрн Первая мировая война, которую он рассматривает как столкновение рацио и логоса, «столкновение духа Германии и духа России»¹⁴, которые олицетворяют собой меч и православный крест. Если для народа Германии «нет ничего выше меча, выше грубой физической силы»¹⁵, то для русского народа символ креста является олицетворением божественной правды.

Эрн отводит России значительную роль во всемирно – историческом процессе и Первой мировой войне: «По предвечному плану Создателя мира, с внезапностью чуда Россия вдруг была брошена в самую гущу грандиозных событий и заняла ответственнейшее, едва ли не первое место в начавшемся катаклизме европейской истории»¹⁶. Мыслитель призывает свою Родину «смирненно склониться перед Промыслом, вызывающим ее на великую историческую деятельность»¹⁷.

Война в представлении русского философа была началом новой исторической эпохи: «Как бы ни была значительна и огромна война, с более общих точек зрения судеб Европы и России

¹¹ См.: Эрн В.Ф. Идея катастрофического прогресса // Эрн В.Ф. Сочинения. М.: Правда, 1991. С. 216.

¹² См.: Там же. С. 218.

¹³ См.: Там же. С. 219.

¹⁴ См.: Эрн В.Ф. Меч и крест // Эрн В.Ф. Сочинения. М.: Правда, 1991. С. 298.

¹⁵ См.: Там же. С. 298.

¹⁶ См.: Эрн В.Ф. Голос событий // Эрн В.Ф. Сочинения. М.: Правда, 1991. С. 299.

¹⁷ Там же. С. 303.

Идея провиденциализма в философии В. Ф. Эрн и Н. А. Бердяева

она все же представляется только началом нового периода истории, в котором духовные силы Востока и Запада станут в какие-то новые, творческие и небывалые еще соотношения»¹⁸.

В конце концов, задача духовно-культурного союза России и Европы как активного начала человеческой истории становится центральной идеей в творчестве мыслителя¹⁹.

Идея провиденциализма в исторической концепции Н.А. Бердяева

Идея смысла исторического процесса является центральной в творчестве Н.А. Бердяева и пронизывает всю его философию. Как христианский автор он видит в человеческой истории замысел Творца и ставит перед собой задачу его постигнуть: «Понять смысл истории мира – значит понять провиденциальный план творения»²⁰.

Согласно Бердяеву, в основе христианского мировоззрения лежат два начала: греческое и иудейское. Для древнегреческого мирозерцания было характерно понимание законченного идеального космоса, находящегося в вечной цикличности, а потому в его рамках отсутствовал интерес к будущему. Мы не находим в трудах эллинских мыслителей осмысления исторического процесса.

Понимание истории в привычном для нас виде, с ее началом, последовательным развитием и завершением, мы впервые находим в иудаизме, в котором она мыслилась неразрывно от мессианской идеи. Бердяев считает, что внесение концепта исторического в общечеловеческую культуру – это особая миссия еврейского народа²¹. А первая концепция исторического процесса, по его мнению, содержится в книге ветхозаветного пророка Даниила. Согласно Бердяеву, история предполагает взаимодействие божественного и человеческого начал. Здесь философ продолжает линию, начатую Владимиром Соловьевым.

Земная история человечества тесно связана с историей небесной. Господь творит мир и человека из – за своей безмерной любви, полагаясь на ее взаимность. В основе земного исторического процесса лежит понятие свободы, проходящее красной нитью через все творчество мыслителя. Она является «метафизической основой» истории²². Если бы Господь

¹⁸См.: Эрн В.Ф. Время славянофильствует. Лекция первая // Эрн В.Ф. Сочинения. М.: Правда, 1991. С. 383.

¹⁹ См.: Жукова О.А. Логос и Ratio: Владимир Эрн как исследователь европейской мысли // Философские науки. № 2 (2016). С. 79.

²⁰ См.: Бердяев Н.А. Философия свободы. М.: Правда, 1989. С. 127.

²¹См.: Бердяев Н.А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990. С. 24

²² См.: Там же. С. 46.

сразу создал идеальный, подчиненный ему мир, никакой истории бы не было. Но человек, вершина Его творения, реализуя свою свободу, отпадает от Бога, тем самым начинается «трагическая история мира, в основу которой было положено преступление»²³.

Впав в соблазн и отделив себя от Бога, человек не актуализировал своего бытия: «Время, пространство, материя, законы логики – все это, – указывает Бердяев, – не состояние субъекта, а состояние самого бытия, но болезненное»²⁴.

Именно грехопадение является началом процесса земной истории. Однако свобода далеко не гарантирует возвращение человечества к Богу в свободной любви. И здесь возникает второе начало исторического процесса – необходимость, или фатум. Но если бы история мира зависела только от ничем не направленной свободы или связанной с ней слепой необходимостью, то у мирового процесса не было бы какого – либо положительного исхода. Отсюда необходимость третьего начала – Божьей благодати или Промысла, который есть разрешение конфликта между необходимостью и свободой. Однако Бог не управляет историческим процессом, а лишь являет себя в нем: «Действие благодати есть действие божественной свободы, а не божественной необходимости, есть действие внутри самой человеческой свободы, есть обнаружение божественного в человеке...»²⁵.

Как отмечает философ, может показаться, что наличие в мире зла на всем протяжении истории не согласуется с присутствием в ней Божьего Промысла. Однако это объясняется той же реализацией проявления человеческой свободы. Отсюда еще одна отличительная черта земной истории – тесно связанная с человеческой свободой трагичность исторического процесса.

Подобно Иоахиму Флорскому, в связи с троичностью Божества Бердяев выделяет в истории человечества три этапа (или эры): Бога Отца, Логоса – Сына и Святого Духа. Центральным элементом истории является Логос, Сын Божий, посредник между Богом и сотворенным им человечеством: «История потому только и есть, что в сердцевине ее есть Христос»²⁶.

²³ См.: *Бердяев Н.А.* Философия свободы. М.: Правда, 1989. С. 139.

²⁴ См.: Там же. С. 131.

²⁵ См.: *Бердяев Н.А.* Истина и откровение. СПб.: Изд-во РХГИ, 1996. С. 95.

²⁶ См.: *Бердяев Н.А.* Смысл истории. М.: Мысль, 1990. С. 46

Бог Отец творит мир через Сына и во имя Сына, ради безграничной любви к нему. После грехопадения Демиург открывается человечеству в природе, но, в силу внутренней отдаленности, человек воспринимает образ Бога искаженно, мифологически. Отсюда появление политеизма и представлений о Боге как о жестоком и недоступном человеку. Смыслом эры Отца явилось приготовление благодатной почвы для принятия Спасителя человечеством. Это промыслительно осуществилось в таких исторических элементах и явлениях как первобытные культы и языческие религии, древнегреческая философия, античная культура, Ветхий завет и пророчества древнеиудейских пророков, религии Востока и, наконец, государственное устройство Римской империи²⁷.

С воплощением Христа начинается эра Сына, целью которой является утверждение начала богочеловечности. С приходом в мир Спасителя впервые появляется универсальная религия – христианство. В нем кровавые жертвы заменяются жертвой бескровной – Евхаристией, а ветхозаветный закон заменяется заповедью любви.

После воскресения Христа основным мотивом истории становится личное спасение, примерами которого может служить жизнь христианских святых подвижников и аскетов. Однако это были лишь единичные случаи. Весь христианский мир не смог в полной мере принять Христа и полностью отказаться от язычества. Поэтому Бердяев разводит понятия «религия Христа» и «христианство», понимаемое им как смесь первой с некоторыми языческими элементами.

Вслед за Владимиром Соловьевым мыслитель утверждает, что человеческая история пошла по пути искушений, отвергнутых Христом в пустыне во время его сорокадневного поста. Отличие в том, что, согласно Соловьеву, под искушения в силу недостатка веры попала только Западная часть Церкви, а согласно Бердяеву, Восточную церковь также не минует эта участь. Причиной этого является отсутствие подлинной антропологии. Если в Восточной церкви, где был сделан упор на божественный элемент, она не сформировалась вовсе, то в церкви Западной, в силу чрезмерного интереса к элементу человеческому, выработалась ложная антропология. Все это вылилось в искажение идеи подлинной теократии. На Востоке,

²⁷ См.: *Бердяев Н.А. Философия свободы // Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества.* М.: Правда, 1989. С. 154.

в первую очередь в Византии, появляется такое явление, как цезаропапизм, когда обоготворяется глава государства, а на Западе получает распространение папоцезаризм, когда Папа Римский считается заместителем Христа на земле и сосредотачивает в своих руках не только духовную, но и светскую власть.

Вполне естественной и последовательной реакцией на ложность католического учения Бердяеву кажутся Реформация и появление протестантизма, который утверждал важность личного начала в Богообщении. Однако протестантизм, имевший зачатки правды, начал выступать против самой идеи церкви, и в конечном итоге перерос в рационализм и позитивизм.

Вслед за протестантизмом против лжи католической антропологии восстал гуманизм. Он, хотя и не сознавал этого, также имел своими корнями чисто христианские идеи. Гуманизм отверг ложную теократию католицизма ради честного признания человеческой власти. По мнению Бердяева, в этом была своя правда, так как возникновение высокой человеческой культуры подготовило бы почву для истинной теократии. Однако отвергнув все сверхчеловеческое и религиозное, гуманизм пришел к обожествлению человека и, собственно, сам стал новой религией. Он привел к Великой французской революции и принятию Декларации прав человека и гражданина. Он же послужил основой социализма, анархизма, а также позитивизма²⁸.

Именно анархизм и социализм являются, по Бердяеву, заключительными этапами земной истории и «последними соблазнами человечества»²⁹. Их опасность в подобии истинной теократии. Как только человечество осознает их несостоятельность и придет к тому, что человечность невозможна без Бога, наступит новый этап человеческой истории. При этом, как отмечает мыслитель, все происходящие искушения не случайны и носят промыслительный характер: «Все эпохи истории имеют глубокий религиозный смысл»³⁰.

Во время эры Святого Духа процесс богочеловечности будет реализован уже не в отдельной личности, а в соборной совокупности всего человечества: «Без Св. Духа в истории

²⁸ См.: *Бердяев Н.А. Философия свободы// Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества.* М.: Правда, 1989. С. 166-168.

²⁹ См.: Там же. С. 169.

³⁰ См.: Там же.

мира не было бы соборного действия Промысла»³¹. Вместо государства с его человеческой властью, которое не может быть примером христианского общества, претворится в жизнь положительный идеал человеческой соборности, подлинная теократия власти Божьей. Это третья и конечная стадия земной истории. Ее итогом станет обожение мира и примирение в Духе Отца с Сыном.

Таким образом, несмотря на центральное положение концепта человеческой свободы в историософских построениях Н.А. Бердяева, ему так же не была чужда идея Промысла Божьего. По мнению философа, история возникает в результате грехопадения, когда человек впервые ослушивается Бога, в результате чего попадает в область «больного», зараженного грехом бытия. Однако у самого человека недостаточно сил, чтобы побороть грех и последовать фатуму или божественной необходимости. Для этого в историческом процессе, вслед за человеческой свободой и фатумом, существует третье начало – Божий Промысл или Божья благодать.

Провиденциальные мотивы эсхатологии Н.А. Бердяева

Эсхатология как учение о конце земной истории является центральным элементом историософских построений Н.А. Бердяева. В одном из своих последних произведений мыслитель признавался: «Историю я вижу в эсхатологической перспективе. Я всегда философствовал так, как будто наступает конец мира и нет перспективы времени. В этом я очень русский мыслитель и дитя Достоевского»³².

Конец истории, по мнению философа, тесно связан с идеей постепенного развития или прогресса, которая также появляется только в христианстве: «Дохристианскому миру была чужда идея прогресса – смысла исторического развития, так как идея эта предполагает сознание единства человечества и провиденциального его назначения»³³.

Именно искаженная идея христианского прогресса лежит, по мнению Бердяева, в основе величайших заблуждений современного ему мира: позитивизма и социализма. Не сумев постичь религиозный смысл этой идеи, человечество обратилось к идее человеческого

³¹ См.: *Бердяев Н.А. Философия свободы // Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества.* М.: Правда, 1989. С. 146.

³² См.: *Бердяев Н.А. Самопознание.* М.; Берлин: Директ-Медиа, 2016. С. 380.

³³ См.: *Бердяев Н.А. Философия свободы.* М.: Правда, 1989. С. 153.

прогресса, которая становится чуть ли не его новой религией. При этом, если позитивизм в силу своего рационализма не может осознать конца человеческой истории, то в социализме, напротив, присутствуют искаженные идеи библейской эсхатологии, понятые в русле иудейского хилиазма: наступление царства человеческой правды и справедливости и человеческий суд над злом.

Именно эти течения и их заблуждения призывают задуматься над подлинным завершением мирового исторического процесса.

По мнению мыслителя, история бессмысленна, если она не будет иметь своего завершения: «Идея прогресса и есть идея смысла истории, истории как пути к Богу, к благодатному концу, к Царству Божьему»³⁴.

Бердяев в христианском ключе связывает эсхатологию с идеей спасения. Он считает, что конечные судьбы мира и человека тесно связаны: «Процесс не только мирового, но и личного спасения совершается историей, так как судьба личности зависит от судьбы мира»³⁵. При этом интерес представляет его интерпретация спасения: «Спасти́сь – значит так преобразить этот мир, чтоб над ним не властвовала смерть, чтобы в нем все живое воскресло»³⁶. Победа над смертью и всеобщее воскресение мертвых произойдут только в конце времен и должны стать итогом всеобщего развития человечества.

При этом в противовес смерти как злему началу в мире Бердяев считает жизнь одной из высших ценностей человека и видит в этом частичную правду позитивизма³⁷.

В своей борьбе со злым началом мы должны вдохновляться подвигом христианских аскетов, которые опытным путем доказали победу над природой. Именно из них образовалась церковь святых, которая является «таинственным центром мировой души, возвращающейся к Богу»³⁸.

Однако основная масса человечества не могла осмыслить религиозный смысл исторического процесса, но это является лишь частью замысла Творца: «Нужно было отрицать

³⁴ См.: *Бердяев Н.А.* Философия свободы. М.: Правда, 1989. С. 170.

³⁵ См.: Там же. С. 172.

³⁶ См.: Там же. С. 173.

³⁷ См.: Там же. С. 173-174.

³⁸ См.: Там же. С. 174.

историю, чтобы осуществился смысл истории; нужно было пройти через отрицание мира, чтобы религиозно утвердить мир»³⁹.

И только перед собственной эпохой Бердяев видит уже задачу не отрицания, а утверждения мира и истории. Отличием нового религиозного сознания, по его мнению, должно стать освящение человеческого творчества.

Такое сознание уже не сможет довольствоваться радужными мечтами прогрессистов, оно не так оптимистично насчет истории и ее логического завершения: «Религиозное сознание видит в истории трагедию, которая должна кончиться катастрофой. Трагедия никогда не кончается благополучием»⁴⁰.

Что касается человеческого прогресса, то он не отрицается религиозным сознанием полностью. Им признается долгий, продолжительный, требующий больших усилий процесс человеческого развития, или, по словам Бердяева, «очеловечивания человечества». Только в таком случае можно ждать положительного сверхъестественного исхода мирового процесса. Согласно прогрессистским воззрениям, история есть бесконечное и непрерывное совершенствование мира и умножение добра. Прогрессисты не замечают дихотомии добра и зла в этом мире, не видят, что вместе с добром растет и зло.

Только в новом религиозном сознании обнажается историческая миссия человечества: «творческая победа над источником зла»⁴¹. Для ее выполнения необходима свобода выбора, которая появляется с помощью вышеупомянутых «очеловечивания» и видения дихотомии добра и зла в мире. При этом полностью постигнуть зло в его абсолютном воплощении человечество сможет только в конце времен, когда оно достигнет своих пределов. Именно тогда Господь и поразит его, согласно Откровению Иоанна Богослова.

При этом Бердяев опровергает представления, будто провиденциальный план истории и человеческая свобода могут войти в противоречие, и, в таком случае, первое подавит второе: «Конец истории не исключительно божественный, а богочеловеческий, и в богочеловечности таится возможность осмыслить божественный план истории, не погасив индивидуальной

³⁹ См.: *Бердяев Н.А.* Философия свободы. М.: Правда, 1989. С. 174.

⁴⁰ См.: Там же. С. 176.

⁴¹ См.: Там же.

свободы человека»⁴². В этом случае провиденциальный план истории представляет собой не окончательную модель исхода мирового исторического процесса, а живую трагедию каждого отдельного взятого индивида.

Здесь Бердяев снова обращается к необходимости подлинной религиозной антропологии. По его мнению, отсутствие какой – либо антропологии на Востоке и искажение ее на Западе свидетельствуют о недостаточности Нового Завета для появления истинного религиозного учения о человеке и человечестве. Отсюда он выводит необходимость появления Третьего Завета – Завета Бога с соборным человечеством. Святые представляют пример личного спасения и индивидуального обожения. Бердяев же утверждает необходимость теозиса в истории, когда мир станет «обществом святых», Церковью. Только в таком обществе возможна подлинная теократия, свободное подчинение власти Бога.

Раз самообожествление природы человека было источником зла, то ее истинное обожение станет окончательной победой над злом, искомым спасением.

Теозис человеческой природы, или богочеловечность, и есть та новая религиозная антропология, о которой говорит Бердяев. Таким образом, эта проблема становится для него проблемой разрешения смысла человеческой истории.

Третий Завет должен произойти от органического синтеза западной культуры и восточной религиозной традиции (здесь Бердяев повторяет мысль, высказанную Владимиром Соловьевым). При этом каждый народ несет свою миссию. У России миссия центральная и наиболее важная – только она может соединить православие с плодами западной культуры. И только ей по силам оградить западную цивилизацию от восточного учения о безличности. Возвращаясь к спору между западниками и славянофилами о принадлежности России, Бердяев приходит к выводу, что Россия не может считаться ни Востоком, ни Западом, и противопоставляться тому или другому. Ее задача быть «Востоком – Западом, соединителем двух миров, а не разделителем»⁴³. При этом, по Бердяеву, в деле духовного перевоспитания русской нации важно участие каждой личности. Без этого не сможет возродиться великая Россия.

⁴² См.: *Бердяев Н.А.* Философия свободы. М.: Правда, 1989. С. 178.

⁴³ См.: *Бердяев Н.А.* Судьба России. М., 1990. С. 22.

Заключение

Таким образом, несмотря на некие идейные расхождения во взглядах В.Ф. Эрн и Н.А. Бердяева и даже возникавшую между ними полемику, можно заключить, что в историософских воззрениях двух мыслителей присутствует много общего:

1. Оба философа видят корни понятия истории в иудаизме и раннем христианстве. Эрн приписывает первую историческую концепцию раннему апологету и святому мученику Иустину Философу, а Бердяев – библейскому пророку Даниилу.
2. И Эрн, и Бердяев не оставляют без внимания получившие распространение и пользовавшиеся довольно большой популярностью теории человеческого прогресса – позитивизм и социализм, и довольно сильно их критикуют.
3. В противовес ложным учениям они разрабатывают собственное о христианском прогрессе.
4. Для обоих мыслителей эсхатология предстает как трагедия. Но если для Бердяева финал истории остается открытым, Эрн уверен в положительном ее завершении.
5. Оба философа отводят России значительную роль во всемирно – историческом процессе. По их мнению, только ей по силам привести Запад и Восток к духовно – культурному единству.

Библиография

Батарин А.А. Проблема прогресса в историософии Эрн // Вестник Чувашского университета. №4 (2007). С. 64-71.

Бердяев Н.А. Истина и откровение. СПб.: Изд-во РХГИ, 1996.

Бердяев Н.А. Самопознание. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2016.

Бердяев Н.А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990.

Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990.

Бердяев Н.А. Философия свободы. М.: Правда, 1989.

В.Ф. Эрн: pro et contra: личность и творчество Владимира Эрн в оценке русских мыслителей и исследователей: антология / сост., подг. текста, вступ. ст. и коммент. А.А. Ермичева. СПб.: Изд-во РХГА, 2006.

Идея провиденциализма в философии В. Ф. Эрн и Н. А. Бердяева

Жукова О.А. Логос и Ratio: Владимир Эрн как исследователь европейской мысли // *Философские науки.* № 2 (2016). С. 74-88.

Лаушкин А.В. Провиденциализм как система мышления древнерусских летописцев (XI-XIII век) :дис. канд. ист. наук. М., 1996.

Эрн В.Ф. Сочинения. М.: Правда, 1991.

The idea of providentialism in the philosophy of V. F. Ern and N. A. Berdyaev

Abstract

The article discusses attempts to comprehend the historical in the works of V.F. Ern and N.A. Berdyaev. The author focuses on the Christian nature of their ideas and on this basis tries to draw parallels between the concepts of the two authors. The views of thinkers on the place and role of Russia in the world – historical process are also compared.